ДНЕВНИКЪ ПАСТОРА ГУБЕРА

съ 6-го по 31-е августа 1830 г.

Переводъ съ нѣмецкаго.

6-го августа 1830 г., въ одиннадцатомъ часу ночи, я только что воротился домой (въ Саратовъ) съ офиціальной поѣздки въ N. Въ это время, въ домѣ у меня находился пасторъ Конръ, легшій уже спать, онъ предполагалъ на другое утро отправиться въ обратный путь. Жена моя еще не ложилась, да и Конръ всталъ, чтобы еще поговорить со мною. Вскорѣ мы заговорили о сильно занимавшемъ насъ офиціальномъ извѣстіи, что болѣзнь cholera morbus появилась въ Астрахани и страшно свирѣпствуетъ. Потребованы были врачи. Послѣ этого извѣстія пришло другое, что болѣзнь подвигается вверхъ по рѣкѣ Волгѣ, съ юга, какъ въ прошломъ году она двигалась съ востока, и съ быстротою молніи приближается къ нашей губерніи, къ тому-же характеръ ея самый злокачественный. Были уже извѣстія, что эпидемія открылась въ Царицынѣ и въ Дубовкѣ. Тотчасъ-же отправились туда вице-губернаторъ, инспекторъ по врачебной части, операторъ и госпитальный докторъ. Но уже 6-го числа вечеромъ прошелъ слухъ, что трое пріѣзжихъ изъ Астрахани заболѣли холерою и отправлены въ госпиталь. 7-го числа говорили, что всѣ эти больные умерли, а за тѣмъ нѣсколько другихъ заболѣли такъ жестоко, что очень скоро умерли, отчего обыватели приведены въ какой-то тупой ужасъ, особенно живущіе во 2-мъ кварталѣ Саратова, по близости Волги. Но на слѣдующій день эпидемія перешла и въ 3-й и въ 1-й кварталы, а госпиталь, говорили, такъ переполненъ заболѣвшими, что уже негдѣ ихъ класть и всѣ они, въ промежутокъ времени отъ 6 до 12 часовъ, умираютъ отъ рвоты, поноса и судорогъ, отъ которыхъ тѣло синѣетъ. Вѣдствіе это грянуло такъ быстро и неожиданно, что нельзя было и помыслить о принятіи какихъ либо мѣръ. Исправляющій должность губернатора и почти всѣ врачи были въ отсутствіи, отправившись на встрѣчу злу, которое думали отвратить отъ Саратова; а оно уже было

тутъ, прежде нежели успѣли принять мѣры противъ него, хотя никому не было извѣстно, какія должны быть мѣры. Сначала не вѣрили ни въ большую опасность, ни въ прилипчивость болѣзни; теперь-же сила эпидеміи обнаружилась множествомъ жертвъ и всѣ доктора утверждаютъ: эта болѣзнь не чужда заразительности, она не только эпидимическая, но и прилипчивая; иначе отчего-бы цѣлымъ деревнямъ и не слышать о болѣзни, а въ Саратовѣ мало мальски больной человѣкъ непремѣнно страдаетъ нѣкоторыми холерическими припадками?

Сначала всякаго заболѣвшаго изъ простонародья, не давая опомниться, тащили въ госпиталь. Госпитальный докторъ находился въ командировкѣ; замѣнившій его врачъ былъ незнакомъ съ расположеніемъ больницы, мало что смыслилъ; не было ни помощниковъ, ни фельдшеровъ, ни даже приготовленныхъ медикаментовъ, наконецъ не хватало и помѣщенія для ежеминутно прибывавшаго числа заболѣвающихъ. Врачи вѣроятно знали самый родъ болѣзни, но въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась у насъ и какъ ее лечить, это было для нихъ темно, потому что средства, помогавшія въ другихъ случаяхъ больнымъ, тутъ не имѣли никакого дѣйствія. Употребляли кровопусканіе, давали пріемы merc. dulc. или laudan. liquid., пускали въ ходъ втиранія всякаго рода, но сначала ни что не спасало больнаго отъ смерти. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ употребленія надъ больными и во время, и съ величайшею точностью всѣхъ предписанныхъ средствъ; но пока болѣзнь еще усиливалась, и больной былъ пораженъ ею въ высшей степени, то ему положительно ни чѣмъ нельзя было помочь. Когда вскорѣ заболѣли всѣ четыре бывшіе на лицо доктора (два умерли здѣсь, а другіе два на пути въ Царицынъ и въ самомъ этомъ городѣ), и не смотря на кровопусканіе, подверглись судорогамъ, поносу и т. д., и одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ, не смотря на поданную ему всевозможную помощь,—тогда все исполнилось ужаса, страха, боязни и унынія. Кто только могъ бѣжалъ изъ города; этому никто и не мѣшалъ, потому что болѣзнь не считали заразительною. Помѣщики, не состоявшіе на службѣ, бѣжали въ свои деревни; туда же—слуги и разный рабочій людъ; также случайные обыватели изъ русскихъ, нѣмцевъ, татаръ и др. Такимъ образомъ приходъ мой, считавшій 7-го августа до 550 человѣкъ, къ 10-му числу убавился на полтораста. Ничто такъ не пугало нашихъ колонистовъ, какъ образъ дѣйствія полицейскихъ служителей, которые исполняли данныя имъ приказанія не только буквально, но и грубо. Переходя изъ дома въ домъ, розыскивая больныхъ, силою хватали заболѣвшихъ простолюдиновъ и тащили ихъ въ больницу, гдѣ ожидала ихъ смерть, за недостаткомъ помощи и ухода. Колонисты

бѣжали въ свои деревни. Говорятъ, многіе изъ нихъ умерли на дорогѣ, другіе далѣе распространили болѣзнь.

Съ 7-го до 20-го августа болѣзнь усиливалась невѣроятнымъ образомъ, сохраняя свой смертельный характеръ. Жертвы ея съ каждымъ днемъ увеличивались отъ 4-хъ до 5-ти, до 12-ти, 40, 80, 120 и 200 человѣкъ, наконецъ въ одинъ день умерло до 260. Въ обратномъ же отношеніи число жертвъ стало потомъ уменьшаться. Всего по 30-е августа умерло до 2170 человѣкъ. Не ранѣе 26-го числа люди могли нѣсколько вздохнуть при видѣ уступающей опасности. Но еще сегодня, 31-го августа, смерть напомнила о себѣ; все же она удаляется (1-го и 4-го сентября умерли еще двое дѣтей). Весь іюль мѣсяцъ, вплоть до августа, погода стояла жаркая до чрезмѣрности, а ночи на открытомъ воздухѣ были прохладныя; за то въ домахъ мы все также потѣли, какъ въ банѣ; днемъ и ночью мы находились въ испаринѣ и мучились жаждою, не говоря уже объ общемъ разслабленіи. Грозы были рѣдки, еще рѣже дожди, да и тѣ не прохлаждали, потому что зной солнечный въ одну минуту изсушалъ землю. Подготовленные такимъ образомъ, мы заразились холерою первоначально отъ бурлаковъ, прибывшихъ съ Каспійскаго моря въ Астрахань, отсюда въ Царицынъ, Дубовку и Саратовъ. Такіе же бурлаки, изъ которыхъ двое были высажены, впослѣдствіи занесли эпидемію въ нижнюю колонію нагорной стороны Волги, гдѣ умерли Давидъ Квинтъ и другіе. (Такимъ же образомъ въ прошломъ году, болѣе обильнымъ дождемъ, холера была занесена изъ Бухаріи въ Оренбургъ; а еще увѣряютъ что она не заразительна). Но по причинѣ-ли лучше устроеннаго карантина, эпидемія не распространилась далѣе. Говорятъ также, что врачъ колоніи пустилъ въ той мѣстности кровь 400 колонистамъ, которые его о томъ просили. Эпидемія занесена также въ Вольскъ, въ казацкую слободу напротивъ Саратова и въ Лѣсной Карамышъ заѣзжими лицами, и все-таки увѣряютъ, что болѣзнь не заразительна. Однако страшные слухи объ опустошеніяхъ въ той мѣстности, къ счастію, не оправдались въ такой высокой степени, а въ Сарептѣ, гдѣ устроены надежные карантины, не было ни одного смертнаго случая. Теперь слышно, что холера снова появилась въ Оренбургѣ и сильно свирѣпствуетъ. Дай Богъ, чтобъ это были ложные слухи. И въ наши сосѣднія деревни бѣдствіе проникло, но тамъ оно дѣйствовало тише, нежели здѣсь у насъ сначала.

По возвращеніи моемъ домой, ночью 6-го августа, простудившись не много и разсерженный медленной ѣздой, я заболѣлъ, но отдѣлался легкимъ поносомъ. До 11-го числа въ приходѣ моемъ я не имѣлъ ни одного больнаго, хотя кругомъ насъ смертные случаи становились все чаще и чаще, потому что болѣзнь распространилась уже по всему городу.

11-го августа, въ десятое воскресенье послѣ Троицы, я сказалъ слово на текстъ евангелія, гдѣ Іисусъ печалится о Іерусалимѣ. А какъ и мы находились подъ вліяніемъ бѣдствія и страха, то мы также плакали не о себѣ только, но и о дѣтяхъ нашихъ. Потомъ я прочелъ 91-й псаломъ, исполненный упованія на Господа и старался внушить прихожанамъ бодрость и твердость въ ожиданіи того, что угодно будетъ Богу послать намъ. Самъ же я почувствовалъ, сколько опасности, но вмѣстѣ и сколько священнаго долга связано съ моимъ призваніемъ. Душа во мнѣ трепетала и я молилъ Бога сохранить меня для паствы и для семейства, хотя я готовъ былъ пожертвовать своею жизнью, живо помня изрѣченіе Христа. (Матѳ. гл. 16, ст. 25).

11-го августа около полудня, я въ первый разъ былъ призванъ къ заболѣвшему церковному сторожу. Поносъ, рвота, страшные судороги мучили его. Я далъ ему св. причастіе, утѣшалъ его, ободрялъ и приказалъ немедленно пустить ему кровь, растирать его и дать пріемъ merc. dulc. Но я зналъ, что собственно у него сдѣлалось воспаленіе отъ простуды, оттого кровопусканіе и лекарство помогли, такъ что нашъ старикъ сторожъ поправился и остался живъ. Потомъ меня позвали къ молодой беременной женщинѣ; и въ отношеніи ея я употребилъ все, что приказывалъ мнѣ долгъ; ей пустили кровь, растирали ее, однако она умерла. Такимъ же образомъ въ то же время занемогли еще четверо человѣкъ, двѣ женщины и двое мужчинъ. Они умерли въ теченіи сутокъ, въ продолженіи которыхъ я навѣстилъ ихъ четыре раза. Всѣ страдали рвотою, поносомъ, судорогами (а желчи не было и слѣда); руки и ноги у нихъ холодѣли и синѣли, все тѣло обливалось холоднымъ потомъ, подъ ложечкой давило, жажда была нестерпима и ничѣмъ неутолима; во рту и въ горлѣ жгло, очевидно всѣ кровяные сосуды были полны сгущенной крови. Въ такомъ видѣ проявлялась здѣсь болѣзнь; сначала она, на первыхъ же порахъ, была смертельна. При лучшемъ уходѣ, больной развѣ только нѣсколькими часами дольше жилъ, но конецъ былъ одинъ. Въ одно время, съ означенными лицами, умерли два годовыя ребенка отъ судорогъ. Сегодня, 12-го августа, я ходилъ изъ дома въ домъ, навѣщалъ здоровыхъ и больныхъ, увѣщевалъ, ободрялъ, совѣтовалъ уповать на Бога, и въ то же время не поддаваться страху унынію, которые сами по себѣ убійственны. Нѣкоторые снова заболѣвали и эпидемія росла.

13-го августа. Сегодня меня позвали къ 18-ти лѣтнему колонисту, потомъ къ портному Гартману, потомъ къ госпожѣ Плокъ, потомъ къ служанкѣ. Всѣ они причастились св. таинъ и умерли, кромѣ служанки, легче заболѣвшей и не похолодѣвшей. Было еще довольно рано, когда меня позвали къ одному изъ этихъ больныхъ. Въ предыдущую ночь, вѣроятно, нѣсколько человѣкъ были захва-

чены болѣзнью, потому что я, проходя по переулкамъ, мимо домиковъ нечаянно наступилъ на всякаго рода испражненія. Съ трудомъ могъ я пересилить свое отвращеніе. Помоги, Боже! прошепталъ я. На что и религія, если она не во власти все покорять, заставить человѣка усердно исполнять долгъ свой и поддерживать въ немъ бодрость духа! Ободрясь такимъ образомъ, я вошелъ къ больнымъ; жена портнаго лежала на полу на соломѣ, а онъ на сѣнѣ; около нихъ все было выпачкано испражненіями. Снова я исполнился отвращенія; я не зналъ, куда ступить, такъ все было изгажено; священный сосудъ я держалъ въ рукахъ; совершивъ надъ больными духовный обрядъ, я вышелъ изъ зачумленной атмосферы на чистый воздухъ, едва сдерживая тошноту. Такого рода случаи съ тѣхъ поръ часто повторялись, особенно въ бѣдной средѣ. Мало по малу я закалилъ себя противъ подобныхъ явленій и выносилъ ихъ мужественнѣе.

14-го августа. Я навѣстилъ нѣсколькихъ больныхъ; другіе только мучили себя страхомъ и опасеніемъ. Къ этимъ я отнесся серьезно. «Бойтесь Бога, говорилъ я, вѣдь вы не больны, чего-же вы заранѣе пугаетесь. Берегите себя для дѣтей и для семьи. Богъ дастъ, будете живы и здоровы». Нѣкоторые ободрялись, но было тоже изъ чего и сердиться. Напримѣръ, пришелъ къ одному сосѣдъ и говоритъ: «ахъ, да на что ты похожъ? Вѣдь ты боленъ, ты умрешь». Другой сосѣдъ подтверждаетъ это. «Пошли, говоритъ, за пасторомъ, тебѣ не жить». Приходитъ пасторъ и уже видитъ, кому жить, кому умирать. Вѣрными признаками смерти были, вмѣстѣ съ судорогами, рвотою и поносомъ, посинѣвшія и похолодѣвшія руки и ноги. Если-же больной не холодѣлъ, а напротивъ лежалъ въ сильнѣйшей испаринѣ, то онъ почти всегда выздоравливалъ, если только не подвергался простудѣ или не возбуждалъ въ себѣ досаду и страхъ. Смотря по этимъ признакамъ, я и обращался къ больному, или съ утѣшеніемъ, или съ надеждою, что онъ выздоровѣетъ, что онъ еще не такъ боленъ, чтобы спѣшить принятіемъ св. таинъ; совѣтовалъ только беречся, ходилъ бы по комнатѣ и оставался бы спокоенъ и, обѣщая еще разъ придти, я уходилъ къ другимъ больнымъ. Во второе посѣщеніе, я засталъ больнаго въ лучшемъ положеніи и онъ остался живъ. Сегодня я отпѣвалъ пятерыхъ покойниковъ и провожалъ ихъ на кладбище. По дорогѣ туда встрѣтились мы съ 60-ю гробами.

15-го августа. Прошлою ночью я былъ призванъ къ семи господамъ и еще къ другимъ больнымъ. Всѣ они умерли въ теченіи однихъ сутокъ и менѣе. Съ однимъ изъ нихъ, г. Штуцъ, я говорилъ еще сегодня вечеромъ въ 6 часовъ, онъ былъ веселъ и здоровъ. Я возвращался отъ больныхъ, когда увидалъ его у открытаго окна: (потомъ мнѣ передали, что онъ сказалъ обо мнѣ: какъ Губеръ по-

худѣлъ, однако онъ все также бодръ). Я зашелъ и сталъ разсказывать о больныхъ и о собственномъ своемъ нездоровьѣ. Онъ принялъ во мнѣ самое дружеское участіе и между смѣхомъ спросилъ меня, сколько-же разъ я бѣгаю?—А сколько успѣваю, отвѣчалъ я, что̀ и была сущая правда. Съ 7-ми до 12-ти часовъ я не отходилъ отъ больныхъ и умирающихъ, тутъ ужъ не время было ходить; но только я съ часъ времени побылъ дома, какъ и бѣганью не было конца. Мы весело разстались съ Штуцемъ. Около 10-ти часовъ онъ заболѣлъ судорогами, рвотою и поносомъ. Послали за докторомъ, ни одинъ не отыскался, всѣ были больны. Наконецъ пришелъ какой-то бывшій лекарскій ученикъ (тотъ самый, который впослѣдствіи такимъ же образомъ пользовалъ барона Крюденера). Онъ нашелъ кровопусканіе лишнимъ, но и въ противномъ случаѣ негдѣ бы было достать фельдшера; отъ этого больной сталъ холодѣть; въ 6 часовъ утра я причастилъ его св. таинъ; въ 9 часовъ 16-го числа я снова навѣстилъ его; онъ былъ веселъ, спокоенъ и покоренъ волей Божьей, и ледяною рукою своею пожалъ мою руку. Къ 11-ти часамъ его уже не стало. Отъ него я отправился причастить г-жу Эбергардтъ. У ней была холера въ сильнѣйшей степени, но при этомъ тѣло ея горѣло какъ въ огнѣ, она сильно потѣла, ей стало легче и теперь она жива. Я совѣтовалъ крѣпче оттирать больную, поддерживать испарину и предчувствовалъ, что она выздоровѣетъ! Не то было съ матерью ея, баронесою Гойенъ; она вся была холодная и умерла вскорѣ по принятіи св. таинъ. Впрочемъ ей было за 80 лѣтъ.

Похоронивъ въ эту субботу еще нѣсколькихъ умершихъ, навѣстивъ нѣкоторыхъ больныхъ и здоровыхъ, которыхъ по своему утѣшалъ и ободрялъ, я принялъ просьбу многихъ о томъ, чтобы 17-го числа совершить въ церкви таинство причащенія надъ прихожанами. Побывавъ еще ночью у нѣсколькихъ больныхъ, изъ которыхъ иные звали меня, другихъ я самъ желалъ видѣть, я въ 10 часовъ началъ воскресную службу; причастниковъ было до ста человѣкъ. Можно было это принять за предсмертную тризну. Сегодня я уже нѣсколькихъ похоронилъ; трупы не выдерживаютъ и сутокъ, такъ скоро они разлагаются. Сегодня-же ночью снова многіе заболѣли, просили и получили причастіе. Изъ нихъ очень немногіе выздоровѣли. 17-го числа вечеромъ одинъ случай страшно на меня подѣйствовалъ. Ткачъ, по имени Гергетъ, чью жену и одного ребенка я похоронилъ, а трое прочихъ дѣтей страдали холерою, хотѣлъ было тоже причаститься сегодня въ церкви, но принужденъ былъ оставаться при дѣтяхъ. Подъ вечеръ онъ пришелъ ко мнѣ и просилъ дать ему причастіе, предчувствуя, какъ онъ говорилъ, что ему надо умереть. И въ самомъ дѣлѣ отъ него несло какъ отъ трупа. «Хорошо, сказалъ я

ему, теперь мы одни, кругомъ тихо, время у меня свободное и если ты расположенъ я сейчасъ-же причащу тебя».—«Какъ-же, я весьма буду радъ», отвѣчалъ онъ въ какомъ-то сильномъ волненіи. Я всячески успокоивалъ его, принялъ его исповѣдь, отпустилъ ему грѣхи, потомъ, подготовивъ его приличными размышленіями, далъ ему причастіе. Я самъ былъ какъ то печально настроенъ. Но едва я произнесъ надъ нимъ благословеніе, какъ онъ поспѣшно выбѣжалъ въ другую комнату и, не успѣвъ пройти дальше, схваченъ былъ сильнѣйшею рвотою. Ужасъ и отвращеніе хотя и овладѣли мною въ высшей степени, но я видѣлъ тоже, какъ этотъ бѣднякъ тревожился, воображая, что онъ обидѣлъ и меня, и Бога, выплюнувъ причастіе. Я старался его успокоить. Въ передней его снова рвало, потомъ еще сильнѣе за наружными дверями. Наконецъ, собравшись съ духомъ, я съ участіемъ и любовью сталъ говорить ему: «любезный другъ, ты не виноватъ, не тревожься, не бойся ни за себя, ни за меня, ни за причастіе. Св. тайны не для желудка служатъ, а для души: ты принялъ ихъ духомъ своимъ, а выплюнулъ только хлѣбъ, да вино, а для Бога это все равно, что все прочее, молоко ли, мука, масло или вода. Ты ни въ чемъ не виноватъ, а нѣтъ вины, такъ нѣтъ и грѣха. Успокойся-же, ступай домой и ложись, тебѣ полегчаетъ!» Мои слова казалось успокоили его, онъ пошелъ домой, ему стало лучше, теперь онъ живъ и здоровъ. Мнѣ оставалось велѣть у себя убирать чистить и провѣтривать комнаты, и самому уйти на чистый воздухъ; но отвращеніе было еще такъ сильно, что не обошлось безъ рвоты. Это меня облегчило, я пришелъ въ прежнее спокойное состояніе духа.

18-го августа. Ночью былъ призванъ къ нѣсколькимъ больнымъ; днемъ навѣстилъ другихъ больныхъ и также здоровыхъ, но боязливыхъ; послѣ чего былъ на погребеніи Штуца, баронессы Гоинъ и другихъ, которыхъ только на дому отпѣвалъ. Потомъ навѣстилъ я добраго Ивана Карловича Линдегренъ, котораго я еще ранѣе причастилъ. Смерть уже витала надъ нимъ, но онъ былъ спокоенъ и веселъ, и покорился волѣ Божіей. Онъ предчуствовалъ свою смерть и на другой день его не стало. Онъ умеръ, не зная о смерти своего пріятеля Штуца. Въ одинъ часъ съ нимъ скончался и Крюденеръ. Мой кистеръ и регентъ тоже заболѣлъ. Прошлую ночь меня звали ко многимъ умирающимъ. Въ эти сутки смерть косила съ небывалою еще яростью.

19-го августа. Рано утромъ вышелъ я навѣстить больныхъ, а въ 9 часовъ я располагалъ, какъ и жену предупредилъ, зайти къ Линдегрену. Подлѣ него живетъ и Крюденеръ. По дорогѣ туда встрѣчаются мнѣ ѣдущія вскачь дрожки, которыя догнали меня въ ту минуту какъ я входилъ къ Линдегрену, который только что скончался.

Тутъ меня отозвали причастить Крюднера. Жена моя выслала впередъ слугу съ св. дарами. Когда же я вошелъ къ больному, то до слуха моего дошли плачъ и рыданія дѣтей и жены. Покойникъ лежалъ на постели, постланной на полу. (Вообще всѣ больные холерою бросались съ кровати на полъ). Еще вчера онъ былъ здоровъ и веселъ, а сегодня, не смотря на крѣпкое дюжее сложеніе, уже мертвъ. Жена его въ отчаяніи звала его по имени. Какъ не здѣшняя уроженка, она жаловалась на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, будто мужа ея убили, будто докторъ былъ подкупленъ. Но его лечилъ не докторъ, а лекарскій ученикъ, о которомъ я выше упоминалъ. Доктора были кто откомандированъ, кто боленъ, а многіе уже не въ живыхъ. Этотъ лекарь прописывалъ какіе-то порошки, да какую-то микстуру. Впрочемъ, извѣстно, что и при самомъ раціональномъ леченіи, самомъ заботливомъ уходѣ болѣзнь не поддавалась въ эпоху сильнѣйшаго своего свирѣпствованія. Такъ было до 20-го августа. Когда-же эпидемія начала ослабѣвать въ такой же постепенности, тогда какъ будто все помогало. Многіе больные вылечивались тогда отъ простой бани и отъ втираній. Свойства холеры таковы, что слѣдовало бы обратить серьозное вниманіе на способы леченія ея и на мѣры противъ заражения, такъ какъ она, я убѣжденъ, прилипчива.

Начиная съ 19-го августа, я сталъ съ каждымъ часомъ слабѣть, до того, что уже не въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Поносъ истощалъ мои жизненные соки. Ночью меня мучили сны, воскресавшія въ памяти всѣ сцены ужаса, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это холерное время.

20-го августа. Я уже сегодня долженъ былъ отпѣвать Крюднера, ранѣе назначеннаго дня, потому что тѣло его сильно разложилось. Потомъ отпѣвалъ еще нѣсколькихъ покойниковъ, навѣстилъ больныхъ и нѣкоторыхъ здоровыхъ; а въ 9 часовъ вечера я почувствовалъ какое-то необыкновенное подергиваніе въ рукахъ и ногахъ и давленіе подъ ложечкой. Настроеніе моего духа было похоже на ощущеніе осужденнаго къ смерти преступника; но мысль о смерти какъ-то не приходила мнѣ въ голову; я чувствовалъ въ себѣ еще много силы. Я легъ въ постель и принялся за втиранія, при этомъ я потѣлъ и горѣлъ какъ въ огнѣ, что̀ не мѣшало мнѣ однако накрыться двумя одѣялами, сверхъ которыхъ жена моя разостлала еще шубу. «Ну, теперь отлично,—сказалъ я,—а только въ самый разъ тепло: не мало и не слишкомъ». Спустя полтора часа испарина отошла, мнѣ стало легче и я даже началъ пошучивать. «Только бы скорѣе день насталъ»,—сказалъ я. «А что тогда?»—спросила жена. «Тогда я обсушилъ бы себя, всталъ, теплѣе одѣлся бы и вышелъ бы на воздухъ стряхнуть съ себя тяжелыя думы». Въ это самое время кто-то

постучался: пришли звать меня къ больной, которой сынъ только что умеръ. «Что же,—сказалъ я,—я располагалъ выйдти по утру, а Господь зоветъ меня теперь, пойду!» Теплѣе одѣвшись, я отправился къ больной, тутъ въ жаркой комнатѣ снова вспотѣлъ; исполнилъ свой священническій долгъ, и закутавшись, возвратился домой; здѣсь снова легъ въ постель и тихо какъ дитя проспалъ около трехъ часовъ. Я чувствовалъ въ себѣ какую то крѣпость и настроеніе духа моего было необыкновенно бодрое. Какъ усердно благодарилъ я Бога за свое спасеніе. Какъ цѣнилъ жену свою за ея кротость и терпѣніе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ! Вскорѣ потомъ меня снова отозвали. Я выпилъ чашки двѣ травянаго чаю, принялъ мятныхъ капель, повторивъ это и днемъ, избавился отъ поноса; тогда какъ раньше ничѣмъ нельзя было его унять. На икры я положилъ еще горчичники, для отвращенія судорогъ, а какъ они пролежали довольно долго, то произвели пузыри, въ родѣ натуральныхъ фантанель, до сихъ поръ (31-го августа) не зажившихъ.

Чрезъ нѣсколько дней припадокъ повторился, но слабѣе и самъ я легче его выдержалъ, даже съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ. Значитъ и эпидемія, и угрожающая смерть имѣютъ свое обаяніе; и какъ смирится строптивое человѣческое сердце, когда Господь даетъ почувствовать свою кару, а затѣмъ и милосердіе, и любовь свою! Такъ Іаковъ справедливо восклицаетъ: «Господи, я недостоинъ твоего милосердія». Я могу сказать, что въ это печальное время я испыталъ также много блаженныхъ часовъ, въ которые видимо поддерживалъ меня Господь своею благостью.

21-го августа. По желанію вдовы Крюднера, я долженъ былъ вчера же похоронить тѣло ея мужа. Ни одинъ трупъ не издавалъ такого зловонія, какъ этотъ. Хотя и надо быть снисходительну къ горести и отчаянію, однако тяжело видѣть упрямство, которое настаиваетъ на мысли объ умышленномъ убійствѣ, когда смерть въ то же время похищаетъ столько другихъ жертвъ. Отца Линдегрена и 11-ти-лѣтняго сына его Николая я похоронилъ сегодня въ одну и ту же могилу. Потомъ навѣстилъ нѣсколькихъ больныхъ. Между тѣмъ, къ величайшему моему утѣшенію, въ моемъ приходѣ число заболѣвшихъ замѣтно начало убавляться. Это позволяло мнѣ чаще навѣщать каждаго изъ прихожанъ отдѣльно.

Сегодня скончался мой второй пѣвчій; заболѣлъ было и третій, да выздоровѣлъ и звалъ меня на крестины своего ребенка.

22-го августа. Сегодня въ моемъ приходѣ умерли только двое, изъ нихъ новорожденный ребенокъ, проживший только двое сутокъ. Послѣдній случай тѣмъ замѣчателенъ, что этотъ новорожденный очевидно спасъ жизнь своей матери. У матери, до родовъ, были всѣ признаки

холеры, а въ самый день рожденія ребенка я засталъ мать совершенно здоровою, а подлѣ нея новорожденнаго, о которомъ бабушка говорила, что онъ долженъ умереть. «Такъ мы его окрестимъ», сказалъ я и совершилъ надъ нимъ обрядъ крещенія. Матери сказалъ: «если Богу угодно взять у васъ жертву, такъ это еще легкая». И дѣйствительно ребенокъ посинѣлъ и умеръ, а мать осталась жива.— Сегодня умерло еще двое.

23-го августа. Похоронилъ нѣсколькихъ; умеръ въ Царицынѣ нашъ докторъ Мейеръ. Ни о комъ такъ не жалѣли, какъ объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ, безкорыстномъ и скромномъ докторѣ, любимомъ своими согражданами, за его истинныя достоинства. Противъ воли откомандированный въ Царицынъ, онъ садился въ дорожную бричку, блѣдный, говоря провожавшей его матери: «кто довольно пожилъ, тому и въ гробъ пора!»

24-го августа. Сегодня было нѣсколько погребеній, но смертныхъ случаевъ и заболѣвшихъ не было. Смерть какъ будто удаляется. Сегодня, по желанію прихожанъ, совершалъ обрядъ причащенія въ церкви. Было 70 причастниковъ, бо́льшая часть въ траурѣ по умершихъ близкихъ.

Съ 25-го по 31-е августа было нѣсколько смертныхъ случаевъ и заболѣвшихъ, но изъ послѣднихъ бо́льшая часть выздоровѣли. Всего въ продолженіе этого мѣсяца я похоронилъ 35 покойниковъ. Еще 15 человѣкъ больны, но поправляются. 30-го августа, я служилъ благодарственный молебенъ и можно себѣ представить съ какимъ чувствомъ послѣ прожитаго ужаснаго времени! Разъ пережить его—можно и не пожалѣть, но вторично—я не желалъ бы.

Въ это время мой образъ жизни былъ таковъ: я одѣвался какъ въ холодную зиму, мало ѣздилъ, а больше бѣгомъ шелъ къ больнымъ, для поддержанія испарины и отвращенія простуды; передъ тѣмъ, какъ выдти со двора, утромъ-ли, ночью, я вытирался уксусомъ, выпивалъ рюмку горькой водки или чашку горячаго чаю съ виномъ и держалъ у рта и носа платокъ, пропитанный дегтемъ или уксусомъ. Апетиту у меня во все не было; ѣлъ только мясное, пилъ воду и вино. Жажда была такъ велика, что я съ 12-го по 26-е августа выпилъ столько вина, сколько прежде не выпивалъ въ теченіе года. Потомъ жажда унялась. Слава Богу, что страшное время миновало, и такъ благополучно для меня и для моего семейства.. Пасторъ Губеръ [1]).

Сообщ. П. П. фонъ-Гецъ.

---

[1]) Пасторъ Іоаннъ Самуилъ Губеръ (Huber) род. 28-го декабря 1778 г., служилъ до 1807-го года лютеранскимъ пасторомъ въ приволжской нѣмецкой колоніи Усть-Залихѣ, Саратовской губерніи, гдѣ въ 1814 г. родился у него сынъ Эдуардъ—впослѣдствіи русскій поэтъ и переводчикъ «Фауста» Гете. Въ 1823 году Іоаннъ Губеръ переведенъ въ Саратовъ членомъ лютеранской консисторіи, а въ 1834 г. назначенъ суперъ-интендентомъ Московской консисторіи. 20-го марта 1857-го онъ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей служенія своего въ духовномъ званіи. Іоаннъ Губеръ умеръ въ Москвѣ 3-го января 1858 года, пережившп своего сына, поэта Эдуарда (умершаго въ Спб. въ 1847 г.). Ред.